

# НОВОСТИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ  
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 12 (1124)

Декабрь, 2018 г.

## СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ — Стихи 2015 — 2017	3
ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ — Пламя, повесть	11
ТОМАС ВЕНЦЛОВА — Два стихотворения. Переводы с литовского Павла Шкарина	54
ОЛЕГ ХАФИЗОВ — Фриба мара, рассказ	58
КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА — ТЧК, стихи	64
БОРИС ЕКИМОВ — Мальчики уходят тихо. Из «Житейских историй»	67
АНДРЕЙ ПЕРМЯКОВ — Тёплое, сухое, стихи	73
ВИКТОР БЕРДИНСКИХ, ВЛАДИМИР ВЕРЕМЬЕВ — Краткая история Гулага. Окончание	80

### НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

УМБЕРТО САБА (1883 — 1957) — Гол. Вступительное слово и перевод с итальянского Павла Крючкова	141
--------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

### ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ — Улица Солженицына	144
-------------------------------------	-----

### ОПЫТЫ

ПАВЕЛ КРЮЧКОВ — Неповторимый голос. Александр Солженицын в звучащей литературе	162
РИЧАРД ТЕМПЕСТ — Человек непокорный. Заметки о повести «Раковый корпус»	171

### ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА: Илья Луданов. Одним днем; Татьяна Лашук. Во дворе трава; Александр Титов. Как мы «осуждали» Солженицына. Репортаж с давнего партсобрания; Василий Авченко. Путешествие из Магадана в Москву; Людмила Глушковская. Эстонская Alma mater;	
------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	--

## СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

<b>Александр Марков.</b> Солженицын — критик; <b>Александр Матасов.</b> Об Александре Солженицыне; <b>Георгий Жаркой.</b> Тайна; <b>Наталья Исакова.</b> Что в чемодане?; <b>Андрей Анпилов.</b> Светлые глаза; <b>Игорь Фунт.</b> Фейсбучные споры: Солженицын — «левый» или «правый»?; <b>Дмитрий Артис.</b> «Матрёнин двор»; <b>Полина Серебрякова.</b> Лучшие из нас; <b>Александр Донецкий.</b> Как нам обустроить этим летом? <i>Вне конкурса:</i> <b>Владимир Губайловский.</b> Новый Миклухо-Маклай; <b>Мargarита Каганова.</b> В железнодорожной форме. Вступительное слово Владимира Губайловского	177
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

### РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

<b>Полина Жеребцова.</b> Чтение как эликсир бессмертия (Ольга Балла. Время сновидений)	203
<b>Юрий Угольников.</b> Инда еще побредем (Дмитрий Данилов. Печаль будет длиться вечно)	205
<b>Дмитрий Бавильский.</b> Учебник писательской гениальности (Гарольд Блум. Западный канон. Книги и школа всех времен)	207

---

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЕКСАНДРА МАРКОВА	212
СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ	219
МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION	224

### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	229
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 2018 ГОД	233
SUMMARY	240

#### **В 2019 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)**

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: [zakazinovimir@mail.ru](mailto:zakazinovimir@mail.ru) / Сайт: [nm1925.ru](http://nm1925.ru)

**Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:  
[http://www.ppressa-rf.ru/cat/1/edition/y\\_e70636/](http://www.ppressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/)**

В 2018 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

---

Александр Марков, филолог, профессор РГГУ.

### СОЛЖЕНИЦЫН — КРИТИК

«Литературная коллекция» — собрание диковин, и древностей, и современностей, не только готовых данностей природы или искусства, но и проектов. Этим собранием вдохновились бы Вредерман де Врис или Пиранези.

Литература XX века началась с подмены: Андрей Белый относит пирамиды, конусы, параллелепипеды к планиметрии, Солженицына это удивляет, значит объемными будут только непредсказуемые множества. Не одобряет слова «сентябрёвский» и «октябрёвский» Андрея Белого — вместо ранешнего объемного впечатления ярлык, к которому прикрепится множество капризов.

Конструкцию объема так легко схватить, но трудно уловить начальные точки ее построения. Солженицын хвалит Евгения Попова, у которого «брезжат верхами островные храмы», потому сновидческие картины Попова выступают «как под медленным, опоздавшим проявителем», нам на бессонницу.

Но не одобряет Бродского, с его прихотливым расположением стихов в томе избранного, не по датам и не по темам, как будто сразу оказываешься в середине и недоумеваешь от непредсказуемых множеств. Солженицын ловит поэта на слове: уже с середины сборника заранее знаешь, как ирония над тобой посмеется, будет маршировать, раз Бродский несет «поэтическую службу». Писатель обижен на самодисциплину, заставляющую слова подбиваться рядом: в Андрее Белом раздражало множественное число, в Бродском — все эти «данный», «суть» (множественное число вместо единственного) и «вещь», подверстываемые каталоги. Бродский ограничен сам себе, а не языку, на вершине своего лишнего иллюзий конуса.

При этом о Шмелеве говорит со словечком скорей бродским: «святость — как экстракт из земной красоты...» — право же, у Шмелева не может быть экстрактов, щемящее впечатление и слезная радость в «Неупиваемой чаше» продуманно сценичны перед зрителем — русской литературой. В «Солнце мертвых» Солженицын видит статуарность, только иногда размягченную поспешной риторикой, пылками обращениями к миру, вербовкой новых неумелых зрителей. Солженицын упоминает сравнения генуэзской башни с пушкой или моря с пылающей чашей — это были бы «концепты» барочной поэзии или монтаж Дзиги Вертова. Вертов учил новой оптике: как можно, едучи на поезде и глядя на выкидываемые из него вещи, видеть и вычислять все движения. Солженицын этому научился, более того, для него такое движение — единое ощущениепряного воздуха языка.

Народное может «просверкнуть» как электричество, молния, вспышка, такое вычисленное движение, до которого речь разве превосхищает Андрея Платонова: имитация мещанского жаргона у Шмелева, космологические описания работы сознания Андрея Белого.

У Солженицына есть свои «концепты» (conceiti барокко), пометы синтаксиса. Такова точка-точность, «точ» Пильняка: повторы ключевых фраз бывают «в точности», оборотная сторона — сброс «промежуточной части фразы в виде отдельного абзаца», для эффекта уточнения ставится рядом «двоеточие и тире», авторские ремарки везде «точно так», а вот примечания «избыточны». Звукописное «-точ-» поверх корней и суффиксов одобрил бы любой антикварист: возможность уточнить филологические содержания филологической добросовестностью. Солженицын — такой же филолог-писатель, как Лотман или Аверинцев, переоткрыватель границ литературы, показывающий, как строгость вместе с развитым пространственным воображением, дзига-вертовским умением следить за вылетающим чемоданом, разрешает литературе работать, оживляет от обморока неточности.

Или в разборе «Вора» Леонида Леонова, «-мет-», напоминающее и о воровских метках и отметинах, и о меткости увлекательного сюжета. Фигуристость речи «заметна» в начале книги (хотя, казалось бы, как не заметить заведомо выразительное и выпирающее? — но Солженицын исследователь, ему важно, как что работает, а не как что легло на наши ожидания), от Достоевского унаследован стиль «метаний» в беседах героев, «метучая», то есть властная героиня, обладает «меткой» речью; и так приметы и заметки сходятся над разнокорнием в почти цветаевской стилистике.

У всех писателей пореволюционной эпохи оказываются наследники, хотя Солженицын не говорит об этом прямо. Но в беседе о Василии Белове опять метания, но уже как постепенное, робкое, не сразу добившееся результата построение формы, хаотичный принцип, заканчивающийся властными образами, а в рассуждениях о Леониде Бородине — «точность», «избыточность» и «достаточность», уже не эффектные, но с какой-то небывалой прежде ясностью исторического строя, исполнившихся пророчеств и понятных фигур истории. А «-вол-» (воля, добровольцы, волнение) Василия Гроссмана передалась Георгию Владимову, где опять воля всегда волнующая, да еще теперь и на волнах. Где была азартная игра яростных двадцатых, теперь ставки, сделанные осмозрительно, посоветовавшись с собой, подружившись с другими. Над заревами революций, по Солженицыну, взошло солнце Михаила Булгакова и осветило

все ровно. Аполлинический Булгаков в дионисийском XX веке — это пример писателя-работника, а не писателя под властью впечатлений, умеющего выдержать время своих произведений и для явления их читателю, тогда как другие умеют разве отладить простые навыки прозаического монтажа или поэтической искренности.

Солженицын и язык критики делает частью оптики критического монтажа: «В приемах его есть находки» — пишет он о прозе Тынянова. Прием, термин Шкловского и других формалистов, уже означает более чем находку, настоящую работу литературы. Но для Солженицына прием планиметрически притязателен и притязающ, тогда как его точка, вершина конуса, уходит, ее еще надо выхватить фотографическим качеством. У Тынянова для Солженицына как будто много случайных фотографий, карикатурных или просто банальных и неуместных, как у Андрея Белого как будто много случайных зарисовок, декораций, картонов-шестерен — не стал он прозаическим Микеланджело, хоть так хотел.

И в повторах с инверсиями Пильняка, и в северных декорациях Замятина (в которых «уяряются» характеры) Солженицын находит былинность, понятую буквально: быть как проба разглядеть вещи, в отличие от литературности, не дающей их отметить, или кинематографичности, разглядывающей вещи, но в их уже-движении, наплывах и перекличках. Солженицын не хочет называть прозу Андрея Белого ритмичной, но только орнаментальной: ведь в ритме должны быть яркие вспышки, ударные регулярности, как колокол или сигнальный фонарь; а если проза постоянно экспериментирует с собой, ей не совсем до этого.

Поэзия, говорит Солженицын почти прямо, когда пишет о Липкине, Лиснянской, Коржавине, Лие Владимировой, рождается из переменчивости, переживаний, переменчивых привязанностей, пестрых времен, томительных минут, смен времен года, картин природы, пазов привычной жизни. Вот недостаток переменчивости Солженицын не принимает в Бродском — его поэзия капитулирует перед «издерганностью нашего века», дрожит дрожью событий, не столько раздражительна, сколько просто дрожаща, — предпочитая усидчивость и сосредоточенность на себе Давида Самойлова как единственный канон века. Канон — с него начинается антикварное собрание и каноничностью запоминается человечеству.

---